

Анастасия Ефремова

ПАПА никогда не говорил сложно и красиво, но простота его речи была иногда так впечатляюща! Какие-то фразы, оброненные им, запомнились на всю жизнь. «Не менять своих убеждений — безнравственно», — как-то бросил мне он. Я вроде пропустила мимо ушей, потом стало доходить, как до жирафа, и доходит, надо сказать, до сих пор.

Мама с папой разошлись, когда мне было всего три года. Долгое время, как, вероятно, во многих семьях в такой ситуации, отец для меня был связан с какими-то невероятными подарками. Это самые первые от него ощущения, раньше театра, кино и радио. Огромное розовое атласное одеяло в дедушкиной комнате на Староконюшенном или двухколесный велосипед с толстыми красными шинами на даче в Абрамцево. Отец мало мной занимался — это с лихвой восполняли его родители, мои любимые, покойные ныне, бабушка Анна Дмитриевна и дедушка Николай Иванович. Они заслуживают отдельной книги, которую я обязательно напишу.

Слава его была особенной. Начальником он был, собственно, не для всех, а вот любили и уважали его, по-моему, все, с кем приходилось по жизни сталкиваться. Я, приходя куда-нибудь и называя свою фамилию, стопроцентно знала реакцию — всегда улыбки, желание помочь, удовольствие от соприкосновения с носителем имени.

Год назад около семи часов вечера по Москве разлетелась страшная весть: у себя дома умер Олег Николаевич Ефремов. Уже телевизионные новости передавали о смерти, а кто-то все продолжал не верить, что такое возможно: в газету позвонили из Петербурга, от Додина, — правда или нет?

Эпоха Ефремова, время Ефремова — тот случай, когда любое такое гигантское сравнение будет верным. Обаяние, которому не было границ. Трагедия для близких, которыми в тот момент почувствовали себя очень многие. Даже выдавшие его однажды или несколько раз полагали, что сложились какие-то личные, от других обособленные отношения. Трагедия для МХАТа имени Чехова, большая часть которого тогда находилась на зарубежных гастролях, из-за чего похороны отложили на неделю. Память об Олеге Николаевиче дорога для нас, как и для его учеников по театру — не только «Современнику» или МХАТу.

Сегодня мы публикуем монолог дочери Ефремова Анастасии Ефремовой, которая учредила Благотворительный фонд Олега Ефремова и стала его президентом.

ИДЕЯ ФОНДА

Идея создания Фонда — даже не идея, но мысль о чем-то подобном — родилась из полного отчаяния, из невозможности примириться с уходом папы. Первые два месяца после его смерти я будто стояла на краю воронки, куда меня затагивало, и была только одна мысль — не упасть. Упасть я не могла себе позволить — трое детей на руках, не очень маленьких, но нуждающихся в материнской заботе. Фонд помог мне выжить. Я спокойно теперь себя чувствую, я совершенно точно знаю, что это дело моей жизни. Хотя только сейчас, вступив в сообщество благотворительных фондов, я поняла, что это такое. Прежде, не имея ни малейшего представления ни о структуре, ни о задачах, я понимала только одно — надо что-то сделать, чтобы Олег Ефремов остался

новый артист России) не только не включены в ее состав, но даже не были информированы о ней, хотя мы все же имеем некоторое отношение к личности, которой комиссия собирается заниматься. Мы узнали о ней чисто случайно — в кабинете отца осталось много его личных вещей; на протяжении многих месяцев пытаюсь выяснить их судьбу, мы и получили письмо из отдела музеев Министерства культуры о том, что теперь этот вопрос будет решать вот эта самая комиссия. В общем-то, довольно странно: творчество — одно, материальные ресурсы — несколько другое. Для проведения намеренно нами выставок совершенно необходимы вещи из кабинета. Фонд для того и создан, чтобы открыть доступ всем желающим. Естественно, основное — чтобы память об отце была живой. А как это сделать конкретно? Тут

— в театре, на телевидении и радио, — мы предоставим им, как только сможем продублировать материалы, которые уже у нас собраны и которые еще предстоит собрать. Задача-максимум — создание в Москве культурного центра «Дом Ефремова», который объединит под своей крышей многие культурные направления. Впрочем, коммерческие тоже, поскольку Фонд не должен рассчитывать только на благородную помощь спонсоров. Мы бы очень хотели обратить пристальное внимание на детские спектакли, хотя бы московские, потому что молодые поколения все еще деградируют (вопреки суровой демографической ситуации), а пойти с ними зачастую некуда. У меня самой трое детей, раньше со старшим — сейчас ему уже 19 — я каждые выходные ходила на новый спектакль, в новый театр. Сейчас все не так.

Помимо заботы о профессиональной сцене Фондом разработана большая программа под названием «Дети — детям» — это работа со школьными театральными коллективами, которых в столице очень много, свыше 500. Нам хотелось бы провести среди них фестиваль. Большие планы и в издательской деятельности: книга воспоминаний о папе, материалы, связанные с отдельными его спектаклями — недавно Пушкинский центр в Санкт-Петербурге выпустил записи репетиций «Бориса Годунова», первый, так и не вышедший вариант, еще со Смоктуновским, замечательная книга! А ведь у нас совершенно неизвестны, скажем, зарубежные постановки отца. Проблема — и

ГОД ПОСЛЕ ОЛЕГА НИКОЛАЕВИЧА

Дочь режиссера Анастасия Ефремова рассказывает о Благотворительном фонде Олега Ефремова

Навсегда запомнилась одна поездка. Мне было лет 14, я была сослана на дачу в Серебряный Бор готовиться к школьным экзаменам. Невыносимо скучно и то скучно пропадать летом над учебниками. Вдруг позвонил папа, спросил: «Хочешь поехать в Житомир?» Он недавно поставил знаменитых «Сталеваров», а его стажер повторил постановку в Житомире. Но дело было не только в спектакле, а в том, чтобы ехать на новоприобретенном «Мерседесе». И вот мы тронулись через Киев в Житомир со всякими разными остановками. На стоянках вокруг нас всегда толпа. Я-то сначала принимала их за папиных поклонников, но скоро стало ясно, что «Мерседес» настолько поражал их воображение, что зачастую Ефремов оставался неузнанным. На обратном пути за рулем в темное время был шофер, а мы с папой сидели на заднем сиденье и мне мучительно хотелось прижаться к нему, положить голову ему на плечо, но что-то мне мешало. И как же потом я жалела об этом и особенно как жалею сейчас! Наверное, он ждал от меня — от девочки, от дочки — ласки, ведь он очень часто рассказывал, какая ласковая я была в детстве. А я стеснялась открыто проявлять свои чувства.

ЕФРЕМОВ И ТЕАТР-ДОМ

Олега Ефремова знали и любили как актера, постановщика, руководителя театра, деятеля культуры, но, на мой взгляд, значение его личности этим не исчерпывается. Уход отца подвел какую-то не слишком четкую, но ощутимую черту. Число его соратников уменьшается, из старой гвардии держится — дай Бог ему здоровья и бодрости — один Юрий Петрович Любимов. Все больше театров, во главе которых стоят актеры или директоры, а это означает исчезновение театра-дома, столь существенного для России. Нет носителя художественной идеи, которая одна только и может создать, как говорилось раньше, «коллектив единомышленников», а пользуясь сегодняшним языком — команду. О том, что эта идея не умерла, но напротив — наиболее плодотворна, свидетельствует взлет питомцев Петра Фоменко, ныне российского режиссера номер один. Но тут же вопрос: если даже ему, всей жизнью доказавшему редкий дар Строителя театра, не предоставляют нормальных условий, необходимого пространства, а в то же время дают помещение совершенно коммерческому Театру Луны, то какие приоритеты сегодня властвуют? На этом примере наглядно видно противостояние театра художественного и того, что обычно называют массовым. Главный, если не единственный аргумент в пользу последнего — коммерческий успех, высокие цены, полные залы. Как на последних премьерях чеховского МХАТа — «Девушки битлов», «Номер 13». Но это, конечно, не единственные примеры. Много и других трупп. Казалось бы, большие деньги — факт бесспорный. Но вот началась Театральная олимпиада, к организации которой, кстати, тоже был причастен отец. И оказывается, что на спектакли Стрелера, Уилсона, Някрошюса, к коммерческим никак не относимым, тоже трудно попасть — при космических ценах. Зритель, от имени которого так часто выступают, голосует и за настоящее искусство, а не только рвется на подделки, которые ему пытаются навязать.

Олег Николаевич Ефремов с дочерью Анастасией в день празднования его 60-летия на даче.

не только в прошлом. МХАТ выбрал свой путь, да и не следует, на мой взгляд, отождествлять фигуру отца только с Художественным театром — она масштабнее, крупнее. Для нас с братом недопустима была сама мысль о скором забвении: вот отец ушел, появились прощальные статьи, передачи — и все, больше ничего не будет. Я задумалась над идеей Фонда, потом как в омут с головой, окунулась в работу. Сначала как-то быстро и легко все получалось — регистрация Устава, на которую обычно уходит месяца полтора, заняла всего три дня, причем на абсолютных законных основаниях. Просто благодаря папиному имени. И, несмотря на паническую растерянность, в которой я пребывала постоянно, родилось чувство, что я на правильном пути. Первым, к кому я обратилась, был Михаил Сергеевич Горбачев, с папой их связывала искренняя и давняя дружба. Он тут же принял меня и настолько горячо поддерживал идею создания Фонда, что все остальное мне было психологически просто. Практика фондов предусматривает попечительские советы, я сама вела переговоры с замечательными людьми, которые намерены не просто числиться на бумаге, но активно помогать: Галина Борисовна Волчек и Егор Владимирович Яковлев, Кирилл Юрьевич Лавров и Иосиф Давыдович Кобзон, Михаил Сергеевич Боярский и Эрнст Иосифович Неизвестный, которому я позвонила в Штаты, — он тут же радостно согласился принять участие в нашей работе. Юрий Михайлович Лужков тоже, как я надеюсь, не формально дал согласие войти в наш попечительский совет, мы очень рассчитываем на его содействие в решении стоящих перед Фондом проблем.

КОМИССИЯ ПО ТВОРЧЕСКОМУ НАСЛЕДИЮ

Недавно, в середине апреля, была создана Государственная комиссия по творческому наследию Олега Ефремова, хотя положение о ее деятельности должно быть утверждено в мае. Нам сообщили об этом лишь две недели назад. Хотелось бы знать, что входит в планы, в намерения данной комиссии, — странно, что наследники (я — театровед, Михаил — заслужен-

возникают сложности, поскольку папа не был книжным человеком, хранил дома немного записей, документов, фотографий. В основном все это — за последний период — находится во МХАТе. Что-то сейчас собираем по крупицам, из архивов Центрального детского, ныне Молодежного театра, «Современника» (оттуда многое уже отдано в ЦГАЛИ, туда тоже надо обращаться), из записей на радио, на телевидении. Везде встречаются отзывчивые люди, которые помогают, но, естественно, сталкиваемся с необходимостью, что-то выкупать, за что-то платить... Задачи Фонда широки, поскольку мы не имеем права сводить папину деятельность только к театральному реформаторству, к рождению Студии молодых актеров, из которой вырос «Современник», к попытке обновления МХАТа.

К сожалению, я поняла это только недавно, само слово «фонд» порой вызывает не самые положительные чувства. Во многом идея благотворительной организации, которая собирает и направляет средства на добрые дела, многими фондами была запятнана и даже опорочена. К тому же мне, чистому гуманитария, тяжело разбираться в финансовых и юридических хитросплетениях, их еще пока немного, но явно предстоит с ними сталкиваться. А хотелось бы заниматься чистой благотворительностью. К примеру, я просто влюблена в Музей Чехова в Мелихове, это место было очень дорого отцу, он был там за четыре дня до своей смерти. К сожалению, мелиховский музей далек от процветания, возможность собрать средства на поддержку его научного центра уже была бы колоссальной наградой за то, что я сейчас начала делать и что отнимаю столько сил, труда и нервов. Мы хотели на Международном фестивале, который проводится в Мелихове, учредить премию Олега Ефремова — пока не удалось. В центре открыта небольшая выставка, посвященная отцу, в основном его мелиховские фотографии. 20 мая, в годовщину дня, когда он там был за 4 дня до смерти, мы привезли в дар центру последнюю запись отца на радио. Конечно, все, что заинтересует центр, все, связанное с работой отца над произведениями Чехова

лично моя, и Фонда — как собрать и где хранить собранные материалы. Как только мы куда-нибудь приходим с просьбой о помещении под офис, первый вопрос — а как же Художественный театр?

МЫ И МХАТ

Ситуация с чеховским МХАТом, я бы сказала, странная. Я уже говорила, что все, что было в кабинете отца — книги, которые он собирал 30 лет, масса других интересных и памятных вещей, — все уложено в коробки, куда-то поставлено, и судьбу всех вещей мы с братом никак не могли узнать, хотя юридически являемся единственными прямыми наследниками. Мне лично приводили в пример случай 1943 года, когда библиотека Немировича-Данченко была передана театру, — знаменательное сравнение с днем сегодняшним, но все же насколько правомерна такая, с позволения сказать, реквизиция? В театре также ходит версия о том, что такова была воля отца — оставить все МХАТу. Но папа был в юридическом плане весьма опытным человеком — все его документы оказались в полном порядке. Да и мне он наверняка бы сказал о таком своем желании. Грустно, что отношения с Художественным театром складываются столь неэlegantно, — Фонд Олега Ефремова, кажется, вправе был рассчитывать на его помощь. Ведь все, что просил у меня и брата театр, когда, уже после смерти отца, готовил к выпуску его последний спектакль «Сирано де Бержерак», — наброски, записи, заметки — мы передали по первому же звонку. Недавно в телефонном разговоре художественный руководитель театра Олег Павлович Табаков объявил мне о своем решении передать все имущество, принадлежавшее Олегу Николаевичу и находящееся в театре, наследникам — мне и Михаилу. Я была очень благодарна Олегу Павловичу за столь справедливое решение, хотя в глубине души и не допускала, что он может поступить иначе. Но буквально на следующий же день поступила другая информация — что все имущество из папиного кабинета объявлено Министерством культуры музейным фондом и соответственно передано в Музей МХАТа. А теперь вот еще появилась комиссия.